Махач Мусаев

Запрет на употребление алкоголя в исламе: религиозные императивы и практика на примере Дагестана XVII — первой половины XIX в.

DOI: 10.22394/2073-7203-2016-34-4-92-117

Makhach A. Musaev

The Prohibition of Alcohol in Islam: Religious Imperatives and Practices in the 17th — 19th Century Dagestan

Makhach A. Musaev — Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia). mahachmus@yandex.ru

Despite the well-known imperative alcohol prohibition in Islam, in their everyday lives, throughout many places and times, Muslims have been drinking alcohols. In this research, the religious prohibition and its practices are discussed in the context of the bicentennial history of Dagestan (until the final annexation by the Russian Empire). The article draws upon religious prescriptions in the works of the Shafi'i (al-Nawawi and others) and Hanafi (al-Samarqandi and others) jurists, comparing them with evidences described and analyzed by scholars, foreign travelers (Adam Olearius, Evliya Çelebi, J.A. Güldenstädt etc.), as well as local theological, legal and history works in Arabic language.

Keywords: Dagestan, alcohol in Islam, Shafi'i, Khanafi, khamr, nabidh, al-Quduqi, al-'Aymaki.

Известно, что арабы эпохи «джахилии» знали о способах производства алкогольных напитков и любили их употреблять. Об этом свидетельствуют соответствующие аяты

Исследование осуществлено при поддержке гранта РГНФ 15-01-00389.

Автор благодарит М.Г. Шехмагомедова за консультации по мусульманскому праву.

Мусаев М. Запрет на употребление алкоголя в Исламе: религиозные императивы и практика на примере Дагестана XVII – первой половины XIX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. №4. С. 92–117.

Musaev, Makhach A. (2016) "The Prohibition of Alcohol in Islam: Religious Imperatives and Practices in the 17th–19th Century Dagestan", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 34(4): 92–117.

Корана, хадисы, южно-арабские, пальмирские, набатейские надписи, доисламская арабская поэзия, письменные сведения и др. Ибн Сида[1] (ум. 1066) в своем «ал-Мухассас» приводит около ста арабских синонимов термина «вино», в «Винном списке» ал-Фирузабади (ум. 1415) их 357. Разнообразие номенклатуры наименований свидетельствует, что алкоголь был частью повседневной жизни и культуры арабов. Пили не только вино (хамр) — производное ягод винограда и фиников, но и другие алкогольные напитки — продукты брожения меда, фруктов, зерновых, сухофруктов и сухоягод (мизр, бит‘, губайра’ и мн. др.)[2].

В первое время в исламе не содержалось запрета на употребление алкоголя. В одной из ранних сур Корана вино (хамр) упоминается в «положительном» контексте, как один из напитков, обещанных богобоязненным в Раю (Коран 47:15; в толкованиях данного аята отмечается, что «хамр» Рая не есть «хамр», который можно встретить на Земле, и от его употребления человек не пьянеет и не теряет рассудка), и как один из признаков милости Аллаха к человечеству (Коран 16:67). Из хадисов следует, что Хамза, дядя Пророка, и другой сподвижник, Анас ибн Малик ал-Хазраджи, хотя бы однажды находились в состоянии опьянения. В одном из священных преданий содержатся сведения, что некоторые воители за веру употребили алкоголь перед битвой при Ухуде (Сахих ал-Бухари: Китаб фард ал-хумус; Сахих ал-Бухари: Китаб ал-джихад; Сахих Муслим: Китаб ал-ашриба; и др.). Подобную информацию можно найти и в тафсирах, например у ат-Табари. В его работе упоминается об ошибках некоторых первых мусульман в ритуальной молитве, вызванных состоянием опьянения[3].

Впоследствии ситуация изменилась. Полезные свойства вина оказались в тени злых дел, совершенных теми, кто пребывал в состоянии опьянения. Употребление «хамр» стало запретным (Коран 2:219; 4:43; 5:90-91). В том, что запрета не было изначально, нет ничего удивительного: отдельные понятия и руководства к действию мусульманская община получала поэтапно и по мере необходимости.

1. Здесь и далее при передаче арабских терминов, топонимов и антропонимов использована упрощенная транскрипция.
2. Maraqten, M. (1993) “Wine Drinking and Wine Prohibition in Arabia before Islam”, *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 23: 95–96; Waines, D. (2011) *Food Culture and Health in Pre-Modern Muslim Societies*, p. XIII. Leiden, Boston: Brill.
3. Wensinck, A.J. (1997) “Khamr”, in *The Encyclopaedia of Islam, New Edition, Volume IV,* p. 994. Leiden: E.J. Brill.

После смерти Пророка правоведы Хиджаза пришли к выводу, что все алкогольные напитки должны быть запрещены (харам). Позднее шафиитские, маликитские и ханбалитские ученые-богословы, а также их шиитские коллеги подтвердили это мнение. При этом каждая из правовых школ использовала свои собственные методы для принятия такого решения, а источниками для них служили толкование аятов Корана и хадисы. Арабский глагол «хамара» (со значением «покрывать», «скрывать») был возведен к одному корню с термином «хамр» (вино) — единственным видом опьяняющего вещества, указанного в Коране. Мусульманские юристы и филологи, применяя принцип аналогии, определили, что «хамр» — это то, что «затмевает» разум и чувства. Соответственно под «хамр» следует понимать не только ферментированный сок винограда и фиников, но и любое вещество, которое приводит к опьянению и способно притупить разум и чувства. Хадис из «Сахих» ал-Бухари «Хамр — это то, что затмевает разум» (Сахих ал-Бухари: Китаб ал-ашириба) подтверждал заключение специалистов. Таким образом, по их мнению, любое другое вещество — например, «набиз» (подробнее см. ниже), — воздействующее на человека так же, как вино, есть «хамр». «Хамр» стал обобщающим термином, обозначающим все алкогольные напитки. Это объясняет, почему многие переводчики арабских сакральных текстов передают «хамр» как «алкогольный напиток» или «опьяняющее».

Однако не все богословы были согласны с такой трактовкой. У мутазилита Мухаммада ал-Джубба'и (ум. 915–916) была своя аргументация в пользу допустимости употребления «набиза». Он полагал, что Аллах создал определенные вещи, напоминающие те, которые разрешены в Раю, но запрещены на земле. Среди них набиз, употребление которого не воспрещено — для того, чтобы верующие могли понимать, каким будет вино (хамр) в Раю[4]. Будучи басрийцем, ал-Джубба'и отчасти следовал юристам более ранних веков из родного города и Куфы, которые не были сторонниками тотального запрета алкоголя. Они пришли к выводу, что запрещены только определенные виды опьяняющих напитков, которые четко обозначены в Коране и хадисах, тогда как другие разрешены к употреблению. Самым узнаваемым из них является эпоним ханафитского мазхаба Абу Ханифа (ум. 767).

Сторонники этой точки зрения приводили свои аргументы в пользу разрешения некоторых алкогольных напитков. Во-пер-

4. Heine, P. (1993) "Nabidh", in *The Encyclopaedia of Islam, New Edition, Volume VII,* p. 840. Leiden, New York: E.J. Brill.

вых, в отличие от представителей других мазхабов, многие ханафиты понимали под термином «хамр» лишь то, что им обозначалось. По их мнению, применение термина «хамр» ко всем веществам, которые обладают способностью вызывать опьянение, является неверным, и поэтому такие напитки, как «набиз», не должны входить в категорию «хамр». Во-вторых, те, кто выступал против запрета употребления любых алкогольных напитков, считали некоторые из хадисов, которые приводились их оппонентами, отмененными (мансух) или неверно интерпретированными[5].

«Набиз» — это обобщенное название алкогольных напитков различных видов, производившихся посредством брожения: например, «мизр» (из ячменя), «бит‘» (из меда), «фадих» (из разных сортов фиников). Такие напитки могли изготавливаться из смеси различных ингредиентов (изюм, финики и мед), в их состав иногда включали зверобой или коноплю, что дополнительно к опьяняющему эффекту давало галлюциногенный[6]. Относительно набиза приводится довольно много хадисов. Не все они однозначно его запрещают, что давало повод некоторым богословам и правоведам разрешать употребление набиза или ему не препятствовать. Например, в одном из хадисов говорится о прямом запрете на питье набиза, приготовленного в тыкве или кувшине, обмазанном изнутри «смолой», но при этом Пророк не дал прямого указания о запрете употребления других видов набиза. В другом священном предании сообщается об опьянении от напитка «халитайн», приготовленного из двух разных сортов фиников. Пророк запретил данный напиток на месте (хотя в хадисе ничего не говорится о наказании). Тем не менее, многие ханафиты извлекли из этого сообщения вывод, что специальный запрет Пророка на чрезмерное употребление только данного вида алкогольного напитка указывает на отсутствие общего запрета на опьяняющие напитки.

Ханафиты первыми стали утверждать, что тексты, запрещающие «хамр», должны быть истолкованы в более широком контексте. Для них было важно, что набиз был распространенным напитком в Медине во времена Пророка. Согласно их прочтению, выдающиеся сподвижники, такие как ‘Умар и Абу Зарр, продолжали пить набиз после смерти Пророка. Кроме того, знаменитый сподвижник (асхаб), правовед Ибн Мас‘уд, будучи в Куфе, как со-

5. Long, M. (2014) “Alcohol, Drugs, and Earthly “Annihilation”, in J.A. Morrow (ed.) *Islamic Images and Ideas: Essays on Sacred Symbolism*, pp. 80–81. McFarland & Company.

6. Heine, P. “Nabidh”, p. 840; Maraqten, M. “Wine Drinking and Wine Prohibition in Arabia before Islam”, pp. 98–99.

общается, выразил мнение, что данный напиток легален, хотя он сам его не употреблял. Многие юристы в Ираке последовали этому примеру и стали утверждать, что запрет на «хамр» не относится к набизу[7].

Следует со всей определенностью заметить: Абу Ханифа не отрицал стандартного мнения, что «хамр» и опьянение — недопустимы, что это «харам». Ханафиты солидарны в этом вопросе с представителями всех мазхабов, а принципиальное отличие мнения части ханафитов состоит в том, что запрещены не сами напитки, а эффекты напитков, то есть опьянение. При этом в среде ханафитов были авторитетные ученые — как, например, ученик Абу Ханифы Мухаммад аш-Шайбани (ум. 804–805), — которые придерживались мнения о запрете алкоголя.

Следующий важный аспект: что считать опьянением? Каждая правовая школа выразила свое мнение по этому вопросу. С точки зрения Абу Ханифы, опьянение — это состояние человека, когда «разум оставил его, и он не понимает (не отличает) ни малого, ни большого»[8]. Следует отметить, что во всех мазхабах предусмотрено наказание[9] за употребление алкогольных напитков или состояние опьянения.

Таким образом, в соответствии с тремя суннитскими мазхабами любое опьяняющее запрещено даже в малых количествах. Такого же мнения придерживаются и шиитские богословы. В соответствии с нормами шариата, вино и другие виды алкоголя являются нечистью («наджис»), употребление их запретно («харам»), однако они не выводят мусульманина за рамки ислама: он не становится неверным («кафир»), а считается нечестивцем («фасик»). В ханафитских текстах (хотя не во всех), в частности ранних, при определенных обстоятельствах разрешено употреблять не запрещенные прямым указанием алкогольные напитки, но не в опьяняющих дозах[10].

7. Rabb, I.A. (2015) *Doubt in Islamic Law. A History of Legal Maxims, Interpretation, and Islamic Criminal Law,* pp. 145–147. Cambridge University Press.
8. Long, M. “Alcohol, Drugs, and Earthly “Annihilation”, p. 83. У дагестанского ученого-богослова Мухаммада ал-Кудуки указано одно из определений опьянения по ханафитскому мазхабу: «Состояние, когда человек не может отличить мужчину от женщины и небо от земли».
9. От 20 до 80 ударов различной интенсивности плетью или палкой в зависимости от мазхаба, правового статуса и состояния здоровья наказуемого.
10. Позиция ханафитских ученых относительно употребления алкоголя со временем сближалась с мнением представителей других мазхабов.

Однако, «несмотря на запрет Корана, питье вина в то время было широко распространено». Так пишет известный швейцарский востоковед Адам Мец, описывая повседневную жизнь мусульман III–IV вв. хиджры (IX–X вв. н.э.) и приводя множество примеров, причем касающихся представителей всех слоев общества. По свидетельству ал-Мукаддаси, в Старом Каире даже достойные уважения (маша'их) люди не отказывались от вина. Багдадский визирь ал-Мухаллаби выпивал вместе с местными кадиями, причем при участии верховного кадия. Употребляли алкогольные напитки и халифы[11]. Есть мнение, что представители высших классов пили из чувства превосходства, наслаждаясь алкоголем как одной из привилегий, предоставленных элите (хасс) в исламских странах. Воздержание вменялось в обязанность простолюдинам (аввам), которые не были в состоянии контролировать себя[12].

Чуть позже, на рубеже X–XI вв., Ибрахим ар-Ракик ал-Кайравани (Тунис) написал сочинение, посвященное вину[13]. Его последователем был египтянин Мухаммад ибн ʻУсман ал-Имам ан-Наваги (ум. 1455), который подвергся серьезной критике за сочинение «вольного» содержания, но не был казнен и даже не был вынужден скрываться — он просто изменил название сочинения, сделав его менее провокационным[14]. Если питие вина делает мусульманина «нечестивцем» (фасик), то призыв его пить противоречит исламским догматам и вводит в «куфр», то есть неверие. Поэтому он вполне мог быть жестоко наказан.

Вышеприведенные исторические примеры могут ввести в заблуждение. Распитие вина (как и его производство, торговля им и т.д.), в соответствии с нормами шариата, конечно, запрещалось на религиозном и государственном уровне, а также порицалось обществом. Об этом свидетельствуют те авторы, на которых мы ссылались выше. Халифы боролись как со своими слабостями, так и с питьем вина вообще, а в отношении сочинения ан-Наваги современником была вынесена фетва, которая по объему едва

11. *Мец А.* Мусульманский ренессанс. Изд. 2/пер. с нем. Д.Е. Бертельса., отв. ред. В.И. Беляев. М.: Главная редакция восточной литературы изд. «Наука», 1973. С. 319.
12. Matthee, R. (2014) "Alcohol in the Islamic Middle East: Ambivalence and Ambiguity", *Past and Present* 222, Supplement 9 (Cultures of Intoxication): 104.
13. Maraqten, M. "Wine Drinking and Wine Prohibition in Arabia before Islam", p. 95.
14. Van Gelder, G.J. (1995) "A muslim Encomium on Wine: "The Racecourse of the Bay (Ḥalbat al-Kumayt)" by al-Nawāǧī (d. 859/1455) as a Post-Classical Arabic Work", *Arabica* 42(2): 225.

ли не превышает само сочинение[15]. Единичные примеры произведений, посвященные вину, не идут ни в какое сравнение с тысячами других, в которых винопитие воспрещалось.

Следует отметить и региональную специфику. Так, в Хиджазе за распитие вина наказывали, «в то время как в Месопотамии в этом не находили ничего дурного»[16]. В Османской империи — наследнице суннитской ортодоксии — коранический запрет тщательно соблюдался; летопись ее истории полна сведениями о гонениях на тех, кто осмеливался употреблять запрещенные напитки. В то же время как полиэтничная империя она вобрала в себя многочисленные иноверческие общины, представители которых широко использовали эти напитки. Среди жителей одного города или даже одного квартала могли быть как те, для кого употребление алкоголя было запретным, так и те, для кого это было вполне законным[17].

Что касается Дагестана, то история повседневной жизни его населения практически не изучена, и это относится, в частности, к потреблению алкоголесодержащих напитков. Письменных источников и артефактов по этому вопросу мало, но они есть. При раскопках в Дербенте выявлены фрагменты и целые экземпляры каменных и керамических виноградных давилен, датируемых XI — началом XIII в.[18] В завещании хунзахского нуцала ʻАндуника, написанном «визирем кади ʻАли-мирзой из Анди во время собрания владетелей на Андийской горе в 890 году хиджры (1485 г.)», упоминается виноград, возделывавшийся на управляемой им территории[19]. Грузинский митрополит Кирилл, побывавший с посольством в Московском государстве, сообщал, что «на Бойнаке… и винограду и пашни и лесу много»[20]. Бойнак относился к владениям шамхала, а главный кадий его государства ʻАли ал-Багдади (стал кадием не позд-

15. Там же.

16. *Мец А.* Мусульманский ренессанс. С. 320.

17. Georgeon, F. (2002) “Ottomans and Drinkers: The Consumption of Alcohol in Istanbul of the Nineteenth century”, in E. Rogan (ed.) *Outside In: Marginality in the Modern Middle East,* p. 7. I.B. Tauris and Co. Ltd.

18. Неопубликованные материалы. Устная информация зав. отделом археологии ИИАЭ ДНЦ РАН, д.и.н., проф. М.С. Гаджиева.

19. *Хашаев Х.-М.* Общественный строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1967. С. 135.

20. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива иностранных дел Сергеем Ал. Белокуровым. Выпуск 1-й. 1578–1613. Санкт-Петербург: Университетская типография, 1889. С. 401.

нее 1635 г., ум. в 1655 г.)[21] в поэтической форме обвинял адресата, «что он разрешает людям совершать недозволенное» — распивать алкогольные напитки и курить[22]. Поэтому мы можем предположить, что виноград выращивался не только как ягода, но и как исходный продукт для получения алкогольного напитка. Европейский путешественник Адам Олеарий, побывавший в Тарки в 1638 г., писал: «Сосуды для питей составляли у них длинные коровьи рога, из которых они и пили напиток, называемый у них Брага[23], выгоняемый из проса и цветом и густотой похожий на пивные дрожжи; пили также бойко из этих сосудов и водку[24], так что в короткое время все порядком опьянели и шумели до того, что едва слышали свои собственные слова, несмотря на присутствие своего Князя»[25]. Османский путешественник Эвлия Челеби, описывая «крепость Койсу», расположенную в шести часах пути от Эндирея, в которой он побывал в 1666 г., пишет: «В этом городе… не пьют никаких вин и крепких напитков. Они не знают, что собой представляют всякие опьяняющие средства, но беспутные [люди] пьют кумыс и бузу[26]. Улемы и пожилые люди пьют густую [темную] вкусную бузу под названием "макшеме" (по другому списку: максеме)»[27]. П.Г. Бутков, изучивший архивные материалы прошлых веков, пишет: «Петр Великий нашел в Дербенте (в 1722 г. — *М.М.*) превосходный виноград и сожалел, что

21. *Назир ад-Дургели*. Услада умов в биографиях дагестанских ученых: Дагестанские ученые и их сочинения/пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. М.: Издательский дом Марджани, 2012. С. 27, 39.

22. 'Али ал-Гумуки. «Тараджим 'улама'и Дагистан» (Рукопись на арабском языке; место хранения: частная коллекция И.А. Каяева). С. 11–12.

23. «У них» — у русских; брага (бражка) — пивной напиток, продукт неполного брожения.

24. Водку закупали в Терском городе — русском форпосте на Восточном Кавказе.

25. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1637 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием (пер. П. П. Барсова). М., 1870. С. 988.

26. Данный напиток определяется в Большой советской энциклопедии так: «Буза (тюрк.), напиток, приготовленный из проса, гречневой или овсяной муки так же, как пиво, но только без хмеля. Буза содержит 4–6% спирта. Буза распространена в Крыму, на Кавказе и в меньшей мере в Туркменистане». В Дагестане ее изготавливали также с использованием хмеля.

27. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья/пер. под ред. А.Д. Желтякова. М.: Наука, 1979. С. 118. Следует отметить, что на осетинском языке буза называется «махсымæ». Термин созвучен во многих индоевропейских языках и, видимо, имеет один корень.

из оного не умеют делать хорошего вина»[28]. И.А. Гильденштедт, собиравший сведения о Дагестане в начале 70-х гг. XVIII в., находясь в Закавказье, отметил: «В округе Ансокул… у Койсу. В нем село Харакан и еще 14 других… В этом округе встречаются вино и фрукты»[29]. Эти отрывочные сведения свидетельствуют о том, что местное население употребляло алкоголь, как на равнине и в горных долинах Дагестана, так и в горах, и что он был различных видов. О том же говорят исследования этнографов, фиксирующих значительное разнообразие алкогольных напитков[30], а также фольклорный материал. Например, известно предание о том, как вместе с правоведом Ибрахимом-хаджи ал-ʻУради (ум. 1770–1771) в Дагестан приехал арабский богослов. Утром они вместе отправились в специальное помещение (на аварском яз. «къулгIа») для совершения ритуального омовения. Было настолько холодно, что Ибрахиму-хаджи пришлось сломать корочку льда, чтобы погрузиться в воду. Араб сильно замерз, и Ибрахим-хаджи, придя домой, дал ему выпить один из видов бузы (на аварском яз. «бакъва-чIагIа»)[31] для согрева. Араб выпил и сказал: «Там это запретно (харам), а здесь дозволено (халал)»[32].

Трудно предположить, что Ибрахим-хаджи ал-ʻУради был сторонником допущения употребления алкогольных напитков. Он известен как богослов «радикальных» взглядов, что ярко проявляется в его правовых заключениях, в частности в вопросе о необходимости военных походов в Закавказье, где он оспаривал мнение своего современника Давуда-хаджи ал-Усиши (ум. 1757)[33].

28. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год П.Г. Буткова. СПб., 1869. С. 148. В Дагестане производился чихирь (тюрк.) — молодое вино незаконченного брожения (ферментации), по сути, сусло, муст. Оно было слабоалкогольным и быстро портилось.

29. *Иоганн Антон Гильденштедт*. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. С. 247.

30. *Алимова Б.М.* Пища и культура питания у тюркоязычных народов Дагестана в XIX — начале XX в. Махачкала: ИД Наука плюс, 2005. С. 95–96; *Рамазанова З.Б.* Традиционная пища народов Нагорного Дагестана в XIX — начале XX вв. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2011. С. 139–145; *Мусаева М.К.* Традиционная материальная культура малочисленных народов Западного Дагестана: Панорамный обзор. Махачкала: Издат. дом «Народы Дагестана», 2003. С. 121–123.

31. Буза неполного брожения, ее употребляли даже дети.

32. Известное в Дагестане предание, которое часто шуточно используется любителями алкоголя в качестве «оправдания» своих действий. Информатор: Шехмагомедов М.Г., м.н.с. ИИАЭ ДНЦ РАН.

33. *Мусаев М.А.* Взгляд на «лекианоба» в контексте изучения правовых заключений дагестанских ученых-богословов XVIII в.//Фундаментальные исследования. 2013. № 10 (часть 14). С. 3225–3226.

В касыде последнего есть такие слова: «Мы пили и от того пьянели. Опьяняющее лилось на нас, как дождь с неба». Учитывая, что автор использует личное местоимение 1 лица мн. числа, можно предположить, что речь идет не о нем, а обо всем дагестанском обществе. Но при этом следует учитывать, что «эта касыда Давуда-хаджи, в которой он обращается к Всевышнему и сожалеет за совершенные прегрешения»[34].

Известный знаток истории и письменной культуры Дагестана ʻАли ал-Гумуки (Каяев, ум. 1943) пишет о богослове Хасане ал-Кудали (ум. 1795): «Иногда он, взяв в качестве спутника одного из своих учеников, отправлялся в город Ахалцихе (Ахисха)[35] и проводил там зиму, преподавал, а затем возвращался домой. Говорят, что [Хасан ал-Кудали] иногда употреблял в небольшом количестве алкогольные напитки (хамр)[36] известные как “буза” и изготавливаемые в Дагестане, равно как и другое [вино]»[37].

Хасан (Старший) ал-Кудали — автор различных сочинений, в том числе правовых. Если алкогольные напитки употреблял известный в Дагестане богослов, конечно, находивший оправдание в рамках мусульманского права, то следует заключить, что некоторая часть населения также имела пристрастие к питью бузы. Современник Хасана, имевший с ним дружеские отношения, Абу-Бакр ал-ʻАймаки (ум. 1791), подготовил труд «И’лам ат-тилмиз би ахкам ан-набиз» («Уведомление ученика по установлениям [относительно] набиза») — правовое сочинение, где рассматривается вопрос о набизе, под которым в Дагестане понималась буза. Абу-Бакр написал свою работу в 1777 г. с целью искоренить традицию некоторых преподавателей и их учеников, касающуюся дозволения употреблять набиз. При разъяснении каждого вопроса ученый-правовед приводит цитаты из Корана и сунны, а также высказывания авторитетных ученых-правоведов всех четырех мазхабов. Он пишет:

> Я удивляюсь, когда вижу ученых Дагестана и их учеников, не говоря уже в целом о дагестанцах, безразлично относящихся к повеле-

34. *Назир ад-Дургели*. Услада умов в биографиях дагестанских ученых: Дагестанские ученые и их сочинения. С. 29 (вторая пагинация).

35. Находился в пределах Османской империи, ныне на территории Грузии.

36. Следует учитывать, что ʻАли ал-Гумуки под «хамр» понимал любой алкогольный напиток.

37. *ʻАли ал-Гумуки*. «Тараджим ʻулама’и Дагистан» (Рукопись на арабском языке; место хранения: частная коллекция И.А. Каяева). С. 48.

> ниям шариата, в частности употребляющих набиз, отвлекающий от поминания Аллаха; [Дагестанцы] не принимают гостя, не предложив набиза, пока он не опьянеет, становясь посмешищем для людей. Это не приемлет разум, не говоря о шариате.

Абу-Бакр указывает, что Абу Ханифа дозволял употреблять напитки, полученные не из винограда и фиников, если при этом не преследуется цель употребления их для забавы и веселья. Но при этом ал-ʻАймаки считает, что высказывание Абу Ханифы, не следует понимать как дозволенность набиза, что противоречит сунне.

> Знай, что всякое опьяняющее запрещено. Запрет установлен четырьмя основополагающими источниками мусульманского права — Кораном, сунной, иджмой и кийасом... Очевидно, — продолжает Абу-Бакр, — до Абу Ханифы, который жил раньше трех имамов других мазхабов, не дошли определенные хадисы, такие как: «То, что опьяняет при употреблении в больших количествах, запретно и в малых»; «Напитки, получаемые из пшеницы, ячменя, фиников, изюма, винограда, меда, — есть вино, и я (Пророк) запрещаю все опьяняющее»[38].

Другим современником Ибрахима ал-ʻУради, Давуда ал-Усиши, Абу-Бакра ал-ʻАймаки и Хасана ал-Кудали был Йусуф ас-Салти. Йусуф и Хасан жили в населенных пунктах, расположенных в нескольких километрах друг от друга, и «между ними происходили научные диспуты по различным вопросам. Говорят, что Хасан ал-Кудали иногда проявлял уступчивость и, подумав, отдавал оппоненту должное, и говорил: “Я оставляю здесь место для дубильщика кожи, чтобы он высказал [свое мнение]”... Под дубильщиком кожи он подразумевал Йусуфа ас-Салти, потому что это один из [основных] промыслов салтинцев. [Йусуф] был учеником двух выдающихся ученых — Давуда ал-Усиши и Ибрахима ал-ʻУради. Ас-Салти — автор нескольких сочинений, в том числе о запрете [употребления] вина»[39].

38. *Гизбулаев М.А.* Абубакар-хаджи из Аймаки — жизнь, творчество и научное наследие. Махачкала, 2005. С. 38–39; Абу Бакр ал-ʻАймаки. «Иʻлам ат-тилмиз би ахкам ан-набиз» (Рукопись на арабском языке; место хранения: Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 88).

39. *ʻАли ал-Гумуки.* «Тараджим ʻулама’и Дагистан» (Рукопись на арабском языке; место хранения: частная коллекция И.А. Каяева). С. 53.

Указанные выше улемы относятся к числу признанных дагестанских богословских авторитетов. При этом некоторые из них оставались в рамках местной культуры пития[40], позволяли себе употреблять бузу и не считали это противоречащим религиозным нормам. Наличие вышеуказанных сочинений ал-ʻАймаки, ас-Салти и ал-Авари свидетельствует о том, что вопрос об употреблении определенных видов алкоголесодержащих напитков был актуальным. Правовые заключения не выносились без повода, так же как без необходимости не писали пространных правовых сочинений. Последние создавались прежде всего для ученого сообщества с целью быть руководством при разъяснении постулатов веры дагестанскому населению.

Дагестан в XVIII в. не являлся единым государственно-правовым пространством, при этом продолжая быть одной «страной». Трудно себе представить, что мнение улемов, которые призывали не употреблять алкогольные напитки, могло быть услышано, когда в числе дагестанских богословов были те, кто сам их употреблял. Кроме того, даже в рамках одной семьи могли существовать противоположные взгляды — например, в семье потомственных богословов ал-Авари. Кадий Аварского ханства Дибир-кади ал-Авари (ум. 1817) собрал выдержки из богословско-правовых сочинений и высказывания мусульманских авторов в подтверждение запрета производства и питья вина. Текст был озаглавлен «Такрират фи тахрим ал-хамр ва шурбихи» («Заключения о запрете [производства] алкогольных напитков и их пития»)[41]; в нем имеются и выводы Дибир-кади, в том числе о запретности набиза. При этом его младший брат Нур-Мухаммад ал-Авари (ум. 1834), занявший пост кадия ханства вслед за Дибир-кади, употреблял алкоголь (подробнее см. ниже).

Следует учитывать и то обстоятельство, что были улемы, чьи слова расходились с их делами. В этом смысле не случайны призывы одного кадия к своей пастве: «Слушайтесь того, что говорят ученые, а не смотрите на то, что они сами делают»[42].

Весьма интересный случай зафиксировал в своем биографическом сочинении ʻАли ал-Гумуки (Каяев):

40. Следует иметь в виду, что буза высококалорийна, не требует огня для приготовления и что она занимала важное место в системе питания дагестанцев.

41. *Шихсаидов А.Р., Омаров Х.А.* Каталог арабских рукописей (Коллекция М.-С. Саидова). Махачкала Издательство типографии ДНЦ РАН, 2005. С. 70–71.

42. *Омаров А.* Воспоминания муталима//Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I. Гл. VII. С. 21.

‘Абдаллах ас-Сугури по прозвищу «Шайтан»... в науках достиг больших высот и совершенства, в то же время он увлекался алкогольными напитками, не имел силы воли до такой степени, что пропивал домашнюю утварь. Затем он доходил до того, что воровал то, что попадало в его руки из имущества своей жены, продавал это и покупал опьяняющее. Когда его жена узнавала об этом, она противилась этому, но ничего не могла изменить.

Мне рассказывал ученый Нузур ас-Сугури, что [‘Абдаллах] иногда совершал ежегодные поездки в союз общин Хиндалал (Койсубу), в котором росли виноградники и где изготавливали алкогольные напитки, причем совершал свои поездки каждую осень, чтобы выпить там вино и взять его с собой, после чего возвращался домой. Все это прекратилось после того, как имам Хамзат установил там правила [шариата]. [‘Абдаллах] после этого видел там людей, которые ранее его не видели там и не обращали на него внимание. Он увидел, что все жители [Хиндалала] стали муридами, стали обматывать свои папахи чалмой, чего не делали раньше дагестанцы, кроме тех, кто посетил Мекку и совершил обряд хаджа. ‘Абдаллах увидел, что все жители [Хиндалала] покаялись в употреблении вина, в курении и в других делах, противоречащих шариату, во что они были погружены раньше. Они стали следовать религии, поклонялись [Аллаху] и [начали совершать] зикр[43]. Этому ‘Абдаллах очень сильно удивился.

Однажды, ‘Абдаллах прибыл к ним в четверг. Он увидел, что они, посчитав этот день за пятницу, собирались начать пятничную молитву. ‘Абдаллах увидел их действия, отошел от них в сторону, сел и начал наблюдать за ними, удивляясь их оплошности относительно [дня] праздничной молитвы. Затем, когда они зашли в мечеть, он зашел вместе с ними, совершил пятничную молитву, вышел раньше них, сел рядом [с мечетью]. После того, как люди вышли из мечети, они подошли к нему и начали увещевать его прекратить употребление вина. Они наставляли, отмечая его глубокие знания и говоря, что он по причине этих знаний, которыми обладает, прежде остальных должен совершить покаяние и прекратить употреблять вино. Он слушал их до тех пор, пока они не прекратили свою речь, свои наставления и упреки в его адрес по поводу его грехов. Он сказал им, что принял их наставления и поблагодарил их за это. Затем он сказал им: «Я тоже хочу оставить вам завещание и надеюсь, что вы при-

43. Зикр — практика теомнемии; духовное упражнение, цель которого ощутить внутри себя присутствие Аллаха, сосредоточиться на Аллахе. Зикр, как правило, — ритмичное, связанное с дыханием многократно повторяемое поминание имен Аллаха (асма’ ал-хусна) или фраз, содержащих имена Аллаха.

> мите его подобно тому, как я принял ваши наставления». Они спросили: «Что это за завещание?» ʻАбдаллах ответил: «Я завещаю вам, чтобы после этого дня вы не совершали пятничной молитвы в четверг, ранее положенного по шариату времени». Он повторил им это, указал на их ошибку, пристыдил, после чего они расстались[44].

Эта история имеет хождение и в устной форме, в виде предания. В ней говорится, что когда хиндалальцы упрекнули его в потреблении алкоголя, он ответил: «Гьекъолев дун гIантав ватани, хамиз къоялъ рузман балел нуж щал кколел?» (на аварском яз.) — «Если я, выпивающий, — дурак, то кто тогда вы, которые в четверг совершаете пятничную молитву?».

Пожалуй, самым известным из любителей алкогольных напитков в среде дагестанских богословов является ученый, преподаватель и политический деятель Саʻид ал-Харакани (ум. в 1834 г.). Примечательно, что он был внуком Абу-Бакра ал-ʻАймаки, написавшего сочинение с критикой употребления набиза (см. выше). ʻАли ал-Гумуки (Каяев) пишет, что Саʻид научился питью бузы у своего наставника Хасана ал-Кудали[45].

> Саʻид был человеком красноречивым, умел мягко говорить подобно правителям, с которыми он был в прекрасных отношениях. Он украшал их общество своим присутствием, а иногда даже позволял себе распивать с ними [алкоголесодержащие напитки]. Он вынес фетву о дозволенности распивать некоторое их количество в неопьяняющей дозе, хотя никто из них не придерживался [установленных] границ, и они часто доходили до уровня опьянения…[46]

Когда имам Гази-Мухаммад начал повсеместно устанавливать в Дагестане шариат в своем понимании, Саʻид ал-Харакани выступил с резкой критикой его действий. За это имам в самом на-

44. *ʻАли ал-Гумуки*. «Тараджим ʻулама'и Дагистан» (Рукопись на арабском языке; место хранения: частная коллекция И.А. Каяева). С. 69.

45. ʻАли ал-Гумуки (Каяев) пишет (С. 79), что Саʻид ал-Харакани, в свою очередь, пристрастил к алкоголю своего ученика ʻАбдулхалима ал-Цуйши: «[ʻАбдулхалим ал-Цуйши], так же как и его учитель Саʻид ал-Харакани, немного употреблял алкогольные напитки и вынес фетву о дозволенности этого. [Употребление алкоголя] вошло у него в привычку. До начала уроков он иногда «душился благовониями», а затем начинал урок. Он говорил, что [алкоголь] делает его более активным в преподавании».

46. ʻАли ал-Гумуки. «Тараджим ʻулама'и Дагистан» (Рукопись на арабском языке; место хранения: частная коллекция И.А. Каяева). С. 55.

чале 1830 г. «выгнал Сеид-Эфендия из дома, а сына его посадил в тюрьму». При этом имам повелел вылить все хранившееся в его доме вино на землю[47]. Экзекуцию проводил Хамзат-бек, ставший впоследствии преемником Гази-Мухаммада. При этом они оба были учениками Саʻида. Существует предание, что по пути домой в Аракани Саʻид встретил одну женщину, которая с ехидством сообщила ему о гибели библиотеки: «Саʻид, что-то твои рукописи плавают в вине». Он не выдал свое горе и ответил: «Ну и пусть! Это им по заслугам — они же противоречили друг другу»[48]. В отчаянии, надеясь на возвращение главного достояния — книг, Саʻид ал-Харакани жаловался своему покровителю Гази-Гумукскому хану Аслану, коллеге и ученику шейху Мухаммаду ал-Йараги и другому своему ученику — Шамилю, который, как известно, в свою очередь стал следующим имамом[49].

Гази-Мухаммад вел беспощадную борьбу с распитием алкогольных напитков; Хамзат-бек продолжил ее, хотя, говорят, до того, как стал имамом, он позволял себе употреблять набиз. Шамиль эту борьбу вел с удвоенной энергией, применяя, как и его предшественники, шариатские нормы наказания. Следует отметить, что по некоторым сведениям отцы Гази-Мухаммада и Шамиля любили выпить. Родитель первого, хоть и был сведущ в вопросах религии, вел беспечную жизнь и часто употреблял алкогольные напитки. Хасанилав из Гимры указывает, что он в состоянии алкогольного опьянения сжег девять домов враждовавших с ним односельчан. Гази-Мухаммад ругал своего отца, но повлиять на него не мог[50].

Из сведений, предоставляемых вышеупомянутым Хасанилавом, видно, что запрет на питье алкоголя Гази-Мухаммадом вводился

47. *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: Крон-Пресс, 1998. С. 84; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. С. 130.

48. *Шихсаидов А.Р.* Саид Араканский//Дагестанские святыни. Книга вторая. Махачкала: ИД Эпоха, 2008. С. 149.

    Здесь следует иметь в виду, что «плавают в вине» является аллегорией.

49. *Касумов С., Гичибекова Р.* О взаимоотношениях кадия Саида Араканского с имамами Гази-Мухаммадом и Гамзат-Беком//Научное обозрение: Ежеквартальный сборник статей. Махачкала, 2012. Выпуск №48. С. 21.

50. Гасанилау (Гимринский). Имам (Кази-Мулла) Газимухаммад. (Перевод с аварского Багадура Малачиханова). Г. Махачкала, 27 января 1936 г. Рукопись//Архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 84. Л. 15, 20–21, и др; Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк/сост. М.Н. Чичагова. СПб., 1889. С. 15.

постепенно; возможно, он действовал по примеру Пророка. Сперва было разрешено употреблять слабоалкогольную «бузу», а затем был введен полный запрет. Для характеристики первого этапа борьбы Гази-Мухаммада с алкоголем интересен следующий случай. Когда гимринские торговцы отправлялись в Дербент за мануфактурой, они обратились к имаму с вопросом: «Нет ли какой возможности разрешить нам выпивать понемногу?». Гази-Мухаммад посоветовал обратиться к местному мулле, который, будучи родом из Хунзаха, «был привычен к выпивке». Мулла попросил принести напитки — водку и отстоявшуюся бузу, после чего он вместе с присутствующими испил их. Они опьянели «до того, что свалились»[51].

Ознакомление с источниками и материалами по истории Дагестана первой половины XIX в. показывает, что употребление алкоголя было довольно распространенным явлением. Из «Воспоминаний» Абдуллы Омарова, в которых он описывает 40–50-е гг. XIX в., следует, что буза была частью традиционной культуры. Без нее не обходилась свадьба, празднование рождения сына, любое празднество вообще, бузу даже дарили учителю за обучение религиозным наукам. Пили представители всех социальных слоев — уздени, ханы, райаты. Несмотря на наличие жестких обрядово-этикетных рамок, даже в период религиозных праздников могли употреблять алкоголь. Так, автор пишет, что в Казанище в дни мусульманского праздника разговения (‘Ид ал-фитр, Ураза-байрам) «трудно встретить пять человек, из которых бы двое не были пьяны».

По мере развития экономических контактов с русскими постепенно в употребление входили вино, водка, ром, ликеры, бальзамы[52]. Командующий русскими войсками на Кавказе А.П. Ермолов в своих «Записках» не без удовлетворения писал: «...Но начинает вселяться разврат от употребления горячих напитков, к которым большое имеют пристрастие (подразумевает «акушинцев» — *М.М.*). Доселе роскошнейшим служит казенное наше вино, и разве спасет их то, что вице-губернаторы продают вместо водки воду!»[53].

51. Гасанилау (Гимринский). Имам (Кази-Мулла) Газимухаммад. (Перевод с аварского Багадура Малачиханова). Г. Махачкала, 27 января 1936 г. Рукопись//Архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 84. Л. 96–97.

52. *Омаров А.* Воспоминания муталима//Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I. Гл. VII. С. 17, 24, 29, 30, 39, 52; Омаров А. Воспоминания муталима//Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. II. Гл. VI. С. 28, 42–43.

53. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. М.: Высшая школа, 1991. С. 350.

Употребление более крепких горячительных напитков приводило к тому, что праздничное застолье, призванное развеселить отдыхающих, трансформировалось в социальное зло. Причину видели в русском влиянии, и это могло играть провоцирующую роль в развертывании освободительного движения в Дагестане во второй половине 20-х гг. XIX в.[54]

При этом следует учитывать, что существовала общественная установка, согласно которой истовый мусульманин не должен употреблять алкоголя. Так, например, один ученик медресе, желая выглядеть набожным, не ел даже пищу из дрожжевого теста[55]; другие «из приличия» наблюдали за увеселительными мероприятиями со стороны[56].

Гази-Мухаммад был не первым из властителей, боровшихся с оборотом алкоголя. При Гази-Гумукском хане Сурхае II Кунбуттае в 1813 г. специальной нормой была запрещена покупка водки (ʻарак) и вина под угрозой штрафа в размере быка. Подобные обычно-правовые нормы (ʻадат) вводились и в отдельных общинах. Например, оротинская община приняла решение взыскивать по корове «с того, кто выпьет вино… и с того, кто изготовит вино у себя в доме, хотя бы в малом количестве»[57].

Учитывая тот факт, что употребление алкоголя имело массовый характер и что его употребляли некоторые улемы, логичным выглядит наличие текстов, в которых данный факт оправдывается.

Интересны правовые взгляды по этому вопросу вышеупомянутого Нур-Мухаммада ал-Авари (ум. 1834). В своем труде он критикует имама Гази-Мухаммада в том числе за экзекуции, которые устаивались в связи с употреблением алкоголесодержащих напитков. Позиция Нур-Мухаммада состоит в следующем:

(1) Если человек является убежденным ханафитом, которому, в соответствии с мазхабом, разрешается употребление неопья-

54. *Магомедов А.Д.* Буза, вино… водка: об одной малоизвестной странице Кавказской войны//Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 3 (43). С. 135–139.

55. Дрожжи получали при приготовлении бузы.

56. *Омаров А.* Воспоминания муталима//Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I. Гл. VII. С.54–56; *Омаров А.* Воспоминания муталима//Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. II. Гл. VI. С. 43.

57. *Айтберов Т.М.* Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. Ч. 2. Махачкала: Издательство ДГУ, 1999. С. 106–107. Автор публикации датирует источник 10-ми гг. XIX в.

няющей дозы напитка[58], и он принял опьяняющее количество напитка (кроме вина, которое запретно), то его следует наказать по шариату, но «его свидетельство (шахада) принимается».

> Вы, — пишет ал-Авари, обращаясь к Гази-Мухаммаду, — должны знать отношение ханафитских ученых к вопросу распития алкоголя и наказания за это действие. В частности имам Абу Ханифа считает, что наказание за распитие обязательно только лишь, если это вино (хамр). А за распитие остальных напитков человек наказывается только в том случае, если он пьянеет.

(2) Распитие неопьяняющей дозы, за исключением вина, является малым грехом (сагира), а не большим (кабира).

В своих заключениях Нур-Мухаммад ал-Авари ссылается на множество трудов известнейших шафиитских правоведов.

> Этих доводов мне предостаточно, — пишет Нур-Мухаммад. — Я надеюсь, что Всевышний не накажет меня за распитие неопьяняющей дозы набиза, запрет на употребление которого является спорным. Я же следую в этом вопросе за Абу Ханифа... Если человек совершит какое-либо действие, о дозволенности которого есть разногласия среди ученых, следуя мазхабу того, кто разрешает это действие, то за ним не считается греха, так как его следование (таклид) является обоснованным... Если человек увидит кого-либо выпившим набиз, то его нельзя осуждать, так как, быть может, он следует в этом деле за мнением Абу-Ханифы[59].

Возможно, Нур-Мухаммад был знаком с заключением дагестанского ученого-богослова Мухаммада ал-Кудуки (ум. 1717), вынесенным в конце XVII в. По крайней мере, их выводы схожи, хотя они используют разную аргументацию, ссылаются на разные источники, но оба — на шафиитских богословов.

В своем заключении Мухаммад ал-Кудуки сначала объясняет разницу во мнении шафиитских и ханафитских ученых в вопросе об употреблении алкоголя, а далее указывает:

58. Из трудов дагестанских улемов следует, что они ориентировались на мнение части ханафитских богословов, которые не воспрещали употребление некоторых алкоголесодержащих напитков в неопьяняющих дозах.

59. Нур-Мухаммад ал-Авари. «Такрират» (Рукопись на арабском языке; место хранения: Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН. Коллекция М.-С. Саидова. №39).

> Мусульманам, в том числе аскетам-суфиям[60], не следует обвинять кого-либо в том, что они употребляют алкогольные напитки в количестве, не приводящем к опьянению... Желательно не употреблять напитки, относительно которых нет единого мнения правоведов. Также желательно не осуждать и не обсуждать тех, кто их употребляет в неопьяняющей дозе. На это (осуждать и устанавливать правила) имеют право судьи (кади) или правители (амир).

Далее автор акцентирует внимание на статусе ханафита и шафиита, употребляющих набиз в неопьяняющих дозах: принимается их свидетельство (шахада) или нет, что имеет важные правовые последствия в рамках ислама (признание действительности договоров и т.д.). Мухаммад ал-Кудуки приводит цитату из труда одного из правоведов и дает свое разъяснение:

> «Если ханафит выпьет небольшое количество набиза, то его не следует считать нечестивцем (фасик). Соответственно, его свидетельство (шахада) принимается. Но если он опьянел, то он должен быть наказан, так как опьянение является грехом (харам). Однако если набиз выпьет тот, кто считает набиз запретным, например шафиит, то его свидетельство (шахада) не принимается. Некоторые же говорят, что принимается». То есть данное суждение является спорным. Из слов имама аш-Шафи'и следует понимать, что свидетельство принимается.
>
> Считать недозволенное дозволенным является бóльшим грехом (харам), чем совершение данного греха. Если человек считает прелюбодеяние (зина) дозволенным, то он становится неверным (кафир), а если прелюбодействует, то нет.
>
> В рамках шафиитского мазхаба свидетельство (шахада) ханафита, то есть того, кто считает дозволенным малое количество набиза, принимается. Хотя признавать недозволенное дозволенным с точки зрения шафиитского мазхаба является бóльшим грехом. Шафиит, который употребляет набиз, — совершает грех, но это грех малый, меньший, чем неверие (куфр). Поэтому, если принимается свидетельство ханафита, то должно приниматься и свидетельство шафиита, употребляющего набиз в неопьяняющей дозе[61].

60. Подчеркивается, что суфии занимали непримиримую позицию в отношении употребления набиза.

61. *Мухаммад ал-Кудуки*. «Такрират фи мас'ала ан-набиз» (Цифровая копия рукописи на арабском языке; место хранения: частная коллекция М.Г. Шехмагомедова).

Мы привели довольно пространные цитаты из правового заключения Мухаммада ал-Кудуки, поскольку оно получило распространение в Дагестане и должно было служить руководством для богословов последующих поколений в силу авторитета этого автора.

Как видим, дагестанские ученые-богословы не были солидарны во мнениях относительно употребления алкоголя, а некоторые из них в данном вопросе следовали не шафиитскому, а ханафитскому мазхабу. Но, бесспорно, превалирующим было мнение о тотальном запрете употребления алкоголесодержащих напитков даже в малых дозах. Например, правовед середины XIX в. Ахмад ар-Ругджи, исполнявший функции кадия в Ругуджа, написал труд «Мас'ала фи-л-хубз»[62], где рассматривается вопрос о дозволенности применять продукты брожения при выпечке хлеба.

Пожалуй, наиболее емко взгляды дагестанских правоведов в вопросе о запрете употребления алкоголя выразил ʻУмар ал-Хунзахи[63] в своем «Обращении» в жанре *насихат*:

> Что касается решения по вопросу о распитии опьяняющих напитков. Оно является запретным, согласно тексту хадиса, который звучит так: «Всякое, что опьяняет, является вином, а любое вино является запретным». Отсюда следует, что любой опьяняющий напиток является также запретным. Его распитие запрещено. Человек, занимающийся этим, пренебрегает заповедями религии. Имам аш-Шафиʻи относит алкоголь к нечистотам, сравнивая его с человеческими испражнениями. Хадисов о запрете спиртного много. До сих пор речь шла о распитии простыми людьми, а что касается ученых, то даже маленький грех для них становится большим, как это следует из книг по «тавхиду» (догматика), так как они являются примером для остальных. Передается следующий хадис: «Тот, кто показал плохой пример, получает наказание за это и за тех, кто последовал его примеру до Судного Дня. При этом те, кто последовал за ним, также получают наказание». И вы, народ Дагестана,

62. Каталог арабских рукописей Института рукописей им. К.С. Кекелидзе (Коллекция L — Выпуск II)/Составители: Р.В. Гварамиа, Н.Г. Канчавели, Л.И. Мамулиа, Л.В. Самкурашвили. Тбилиси: Кавказский дом, 2002. С. 203; Ахмад ар-Ругджи. «Мас'ала фи-л-хубз» (Рукопись на арабском языке; место хранения: Грузинский национальный центр рукописей. ArL. №463).

63. Авторы перевода отождествляют его с жившим в XVIII в. богословом, писателем и поэтом ʻУмаром б. ʻАбдусаламом ад-Дагистани — потомком дагестанского рода, обосновавшегося в Мекке еще в начале XVII в.

> возводите на Мусалава (Мухаммад ал-Кудуки — *М.М.*) и Дамадана [ал-Мухи] (ум. 1724 — *М.М.*) клевету, утверждая, что и тот и этот позволяли себе выпить (алкоголь). А в действительности те, кто приписывают подобным людям это действие, являются лжецами и задевают честь этих совершенных ученых. А если такое действие было ими совершено, то они допустили ошибку в этом. Но ведь они не являются непогрешимыми (т.е. пророками) и даже не имамами-муджтахидами, а всего-навсего они являются последователями мазхабов тех имамов. А если последователь (мукаллид) ошибся в своих умозаключениях и вынес решение, противоречащее решению своего имама, то нам нельзя следовать за его словом[64].

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к следующим выводам.

Несмотря на то, что население Дагестана следовало шафиитскому мазхабу, в рамках которого производство и потребление алкогольных напитков запрещено, имеются многочисленные свидетельства того, что в XVII — первой половине XIX в. они производились и употреблялись. Это относится и к вину, запрещенному в рамках всех мусульманских правовых школ.

Набиз (буза) употреблялся некоторыми дагестанскими богословами, которые находили оправдание этому в том, что они следуют в данном вопросе ханафитскому мазхабу, в рамках классических трудов представителей которого разрешено распитие некоторых видов алкогольных напитков в неопьяняющих дозах.

В среде дагестанских ученых-богословов было распространено мнение, что употребление всякого алкогольного напитка запретно (харам), но что это малый грех, так что свидетельство (шахада) данного лица принимается. Они полагали, что если лицо следует ханафитскому мазхабу, то дозволительно употреблять алкогольные напитки, которые не входят в категорию «хамр», в неопьяняющих порциях. Объяснение данной позиции, видимо, следует искать в нежелательных правовых последствиях непринятия свидетельства (шахада) лиц, употребляющих набиз, что было распространенным явлением.

Несколькими дагестанскими учеными-богословами были написаны труды с обоснованием полного запрета на употребление

64. *Абдулмажидов Р.С., Шехмагомедов М.Г.* Обращение Умара аль-Хунзахи к жителям Дагестана: общая характеристика и комментированный перевод//Исламоведение. 2013. № 1. С. 133.

алкоголя, в том числе и в мельчайших порциях. Они полагали, что свидетельство (шахада) употребляющего алкоголь в любых дозах не принимается.

В некоторых феодальных владениях, союзах общин и отдельных общинах вводились локальные запреты на употребление алкогольных напитков с не предусмотренными шариатом видами наказаний (хадд).

Имамы (Гази-Мухаммад, Хамзат-бек и Шамиль) ввели полный запрет на производство, торговлю и употребление алкогольных напитков. Лица, нарушившие запрет, наказывались в соответствии с нормами шариата.

Правовые заключения и фетвы ученых-богословов мало влияли на повседневную практику употребления алкоголя местным населением; более эффективными они стали, когда были подкреплены государственно-правовым принуждением.

Библиография/References

Источники

Абу-Бакр ал-'Аймаки. «И'лам ат-тилмиз би ахкам ан-набиз» (Рукопись на арабском языке; место хранения: Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 1. № 88).

Ахмад ар-Ругджи. «Мас'ала фи-л-хубз» (Рукопись на арабском языке; место хранения: Грузинский национальный центр рукописей. ArL. №463).

'Али ал-Гумуки. «Тараджим 'улама'и Дагистан» (Рукопись на арабском языке; место хранения: частная коллекция И.А. Каяева).

Мухаммад ал-Кудуки. «Такрират фи мас'ала ан-набиз» (Цифровая копия рукописи на арабском языке; место хранения: частная коллекция М.Г. Шехмагомедова).

Нур-Мухаммад ал-Авари. «Такрират» (Рукопись на арабском языке; место хранения: Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДНЦ РАН. Коллекция М.-С. Саидова. №39).

Литература

Абдулмажидов Р.С., Шехмагомедов М.Г. Обращение Умара аль-Хунзахи к жителям Дагестана: общая характеристика и комментированный перевод//Исламоведение. 2013. № 1. С. 125–135.

Айтберов Т.М. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. Ч. 2. Махачкала: Издательство ДГУ, 1999.

Алимова Б.М. Пища и культура питания у тюркоязычных народов Дагестана в XIX — начале XX в. Махачкала: ИД Наука плюс, 2005.

Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: Крон-Пресс, 1998.

Гасанилау (Гимринский). Имам (Кази-Мулла) Газимухаммад. (Перевод с аварского Багадура Малачиханова). Г. Махачкала, 27 января 1936 г. Рукопись//Архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 84.

Гизбулаев М.А. Абубакар-хаджи из Аймаки — жизнь, творчество и научное наследие. Махачкала, 2005.

Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959.

Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. М.: Высшая школа, 1991.

Иоганн Антон Гильденштедт. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002.

Касумов С., Гичибекова Р. О взаимоотношениях кадия Саида Араканского с имамами Гази-Мухаммадом и Гамзат-Беком//Научное обозрение: Ежеквартальный сборник статей. Махачкала. 2012. Выпуск №48. С. 19–21.

Каталог арабских рукописей Института рукописей им. К.С. Кекелидзе (Коллекция L — Выпуск II)/Составители: Р.В. Гварамиа, Н.Г. Канчавели, Л.И. Мамулиа, Л.В. Самкурашвили. Тбилиси: Кавказский дом, 2002.

Магомедов А.Д. Буза, вино... водка: об одной малоизвестной странице Кавказской войны//Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 3 (43). С. 135–139.

Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год П.Г. Буткова. СПб., 1869.

Мец А. Мусульманский ренессанс. Изд. 2./пер. с нем. Д.Е. Бертельса, отв. ред. В.И. Беляев. М.: Главная редакция восточной литературы изд. «Наука», 1973.

Мусаев М.А. Взгляд на «лекианоба» в контексте изучения правовых заключений дагестанских ученых-богословов XVIII в.//Фундаментальные исследования. 2013. № 10 (часть 14). С. 3223–3228.

Мусаева М.К. Традиционная материальная культура малочисленных народов Западного Дагестана: Панорамный обзор. Махачкала: Издат. дом «Народы Дагестана», 2003.

Назир ад-Дургели. Услада умов в биографиях дагестанских ученых: Дагестанские ученые и их сочинения/пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. М.: Издательский дом Марджани, 2012.

Омаров А. Воспоминания муталима//Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I. Гл. VII. С. 13–64.

Омаров А. Воспоминания муталима//Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Вып. II. Гл. VI. С. 1–70.

Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1637 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием (пер. П. П. Барсова). М., 1870.

Рамазанова З.Б. Традиционная пища народов Нагорного Дагестана в XIX — начале XX вв. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2011.

Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива иностранных дел Сергеем Ал. Белокуровым. Выпуск 1-й. 1578–1613. СПб.: Университетская типография, 1889.

Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1967.

Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк/сост. М.Н. Чичагова. С.-Петербург, 1889.

Шихсаидов А.Р. Саид Араканский//Дагестанские святыни. Книга вторая. Махачкала: ИД Эпоха, 2008. С. 140–152.

Шихсаидов А.Р., Омаров Х.А. Каталог арабских рукописей (Коллекция М.-С. Саидова). Махачкала Издательство типографии ДНЦ РАН, 2005.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья/пер. под ред. А.Д. Желтякова. М.: Наука, 1979.

Archival materials

al-Awari, Nur Muhammad. "Taqrirat" [Arabic]. (Rukopis' na arabskom iazyke; mesto khraneniia: Fond vostochnykh rukopisei IIAE DNTs RAN. Kollektsiia M.-S. Saidova. №39).

al-'Aymaki, Abu Bakr. "I'lam al-tilmidh bi ahkam al-nabidh" [Arabic]. (Rukopis' na arabskom iazyke; mesto khraneniia: Fond vostochnykh rukopisei IIAE DNTs RAN. F. 14. Op. 1. № 88).

al-Ghumuqi (Kayaev), 'Ali. "Taradjim 'ulama' Daghistan" [Arabic]. (Rukopis' na arabskom iazyke; mesto khraneniia: chastnaia kollektsiia I.A. Kaiaeva).

al-Quduqi, Muhammad. "Taqrirat fi mas'alah al-nabidh" [Arabic]. (Tsifrovaia kopiia rukopisi na arabskom iazyke; mesto khraneniia: chastnaia kollektsiia M.G. Shekhmagomedova).

al-Rughdji, Ahmad. "Mas'ala fi-l-khubz" [Arabic]. (Rukopis' na arabskom iazyke; mesto khraneniia: Gruzinskii natsional'nyi tsentr rukopisei. ArL. №463).

Literature

Abdulmazhidov, R.S., Shekhmagomedov, M.G. (2013) "Obrashchenie Umara al'-Khunzakhi k zhiteliam Dagestana: obshchaia kharakteristika i kommentirovannyi perevod" ["'Umar al-Khunzakhi's advices to the inhabitants of Daghestan: general characteristics and annotated translation of the source"], *Islamovedenie* 1: 125–135.

Aitberov, T.M. (1999) *Khrestomatiia po istorii prava i gosudarstva Dagestana v XVIII-XIX vv.* [Reader on the history of law and state of Dagestan in XVIII-XIX centuries], ch. 2. Makhachkala: Izdatel'stvo DGU.

Alimova, B.M. (2005) *Pishcha i kul'tura pitaniia u tiurkoiazychnykh narodov Dagestana v XIX — nachale XX v.* [Food and the food culture of Turkic-speaking Dagestan people in the XIX — beginning of the XX century]. Makhachkala: ID Nauka plius.

Chichagova, M.N. (1889) *Shamil' na Kavkaze i v Rossii. Biograficheskii ocherk* [Shamil in the Caucasus and Russia. Biographical essay]. S.-Peterburg.

Dvizhenie gortsev Severo-Vostochnogo Kavkaza v 20–50 gg. XIX v. Sbornik dokumentov [The movement of the mountaineers of the North-Eastern Caucasus during 20-50 years of XIX century. Collection of documents]. (1959) Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Evliya Chelebi (1979) *Kniga puteshestviia. (Izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka).* Vyp. 2. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ia i Podon'ia/per. pod red. A.D. Zheltiakova. [Seyahatname (Excerpts from the writings of the Turkish traveler of the XVII century). Vol. 2. Land of the Northern Caucasus, the Volga and the Don, transl. ed. Zheltyakova, A.D.]. Moscow: Nauka.

Gammer, M. (1998) *Shamil'. Musul'manskoe soprotivlenie tsarizmu. Zavoevanie Chechni i Dagestana* [Muslim Resistance to the Tsar. Shamil and the Conquest of the Chechnia and Daghestan]. Moscow: Kron-Press.

Gasanilau (Gimrinskii). *Imam (Kazi-Mulla) Gazimuhammad. (Perevod s avarskogo Bagadura Malachikhanova).* G. Makhachkala, 27 ianvaria 1936 g. Rukopis' [Imam (Kazi-Mulla) Gazimuhammad. Translaited from the avarian by Bagadur Malachikhanov. Makhachkala, 27th of January, 1936]: Arkhiv IIAE DNTs RAN. F. 1. Op. 1. D. 84.

Georgeon, Francois. (2002) “Ottomans and Drinkers: The Consumption of Alcohol in Istanbul of the Nineteenth century”, Eugene Rogan (ed.) *Outside In: Marginality in the Modern Middle East,* pp. 7–30. I.B. Tauris and Co. Ltd.

Gizbulaev, M.A. (2005) *Abubakar-khadzhi iz Aimaki — zhizn’, tvorchestvo i nauchnoe nasledie* [Al-Hadjj Abu Bakar al-Aymaki — life, work and scientific heritage]. Makhachkala.

Gvaramia, R.V., Kanchaveli, N.G., Mamulia, L.I., Samkurashvili, L.V. (eds) (2002) *Katalog arabskikh rukopisei Instituta rukopisei im. K.S. Kekelidze (Kollektsiia L — Vypusk II)* [The Catalogue of Arabic Manuscripts of the Institute of Manuscripts named after K.S. Kekelidze (Collection L — Edition II]. Tbilisi: Kavkazskii dom.

Heine, P. (1993) “Nabidh”, in *The Encyclopaedia of Islam, New Edition, Volume VII,* p. 840. Leiden, New York: E.J. Brill.

Iogann Anton Gil’denshtedt. (2002) *Puteshestvie po Kavkazu v 1770–1773 gg*. [The Journey to the Caucasus in 1770–1773]. S.-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

Kasumov, S., Gichibekova, R. (2012) “O vzaimootnosheniiakh kadiia Saida Arakanskogo s imamami Gazi-Mukhammadom i Gamzat-Bekom” [“On the relationship between Qadi Sa‘id al-Harakani with imams Ghazi-Muhammad and Hamza-bek” in *Scientific Review*], *Nauchnoe obozrenie: Ezhekvartal’nyi sbornik statei* 48: 19–21. Makhachkala.

Khashaev, Kh.-M. (1967) *Obshchestvennyi stroi Dagestana v XIX v.* [The social system of Dagestan in the XIX century]. Makhachkala.

Long, M. (2014) “Alcohol, Drugs, and Earthly ‘Annihilation’”, John Andrew Morrow (ed.) *Islamic Images and Ideas: Essays on Sacred Symbolism*, pp. 75–100. McFarland & Company.

Magomedov, A.D. (2015) “Buza, vino… vodka: ob odnoi maloizvestnoi stranitse Kavkazskoi voiny” [“Buza, wine… vodka: about one little-known page of Caucasian War”], in *Vestnik Instituta istorii, arkheologii I etnografii.* № 3 (43): 135–139.

Maraqten, M. (1993) “Wine Drinking and Wine Prohibition in Arabia before Islam”, *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 23: 95–115.

Materialy dlia novoi istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god P.G. Butkova [P.G. Butkov’s Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803] (1869). S.-Peterburg.

Matthee, R. (2014) “Alcohol in the Islamic Middle East: Ambivalence and Ambiguity”, *Past and Present* 222, Supplement 9 (Cultures of Intoxication): 100–125.

Mez, A. (1973) *Musul’manskii renessans* [The Renaissanse of Islam]. Izd. 2. (per. s nem. D.E. Bertel’sa. otv. red. V.I. Beliaev.) Moscow: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izd. “Nauka”.

Musaev, M.A. (2013) “Vzgliad na ‘lekianoba’ v kontekste izucheniia pravovykh zakliuchenii dagestanskikh uchenykh-bogoslovov XVIII v.” [“A Look at the ‘Lekianoba’ in the Context of a Study of the Legal Conclusions of the Dagestani ‘Ulama’ of the XVIII Century”], *Fundamental’nye issledovaniia* 10 (chast’ 14): 3223–3228.

Musaeva, M.K. (2003) *Traditsionnaia materialnaia kultura malochislennikh narodov Zapadnogo Dagestana: Panoramnii obzor* [Traditional material culture of the indigenous peoples of the Western Daghestan: Survey]. Makhachkala: Izd. dom “Narody Dagestana”.

Nazir ad-Durgeli. (2012) *Uslada umov v biografiiakh dagestanskikh uchenykh: Dagestanskie uchenye i ikh sochineniia* [A Journey of the Minds through the Biographies of the Islamic Scholars of Daghestan] transl., comment., facsimile, indices, bibliography by A.R. Shikhsaidov, M. Kemper, A.K. Bustanov. Moscow: Izdatel’skij dom Mardzhani.

Omarov, A. (1868) “Vospominaniia mutalima” [“Memories of muta‘allim”], *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh*. Vol. I. Ch. VII: 13–64.

Omarov, A. (1869) “Vospominaniia mutalima” [“Memories of muta‘allim”], *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh*. Vol. II. Ch. VI: 1–70.

Podrobnoe opisanie puteshestviia golshtinskogo posol’stva v Moskoviiu i Persiiu v 1633, 1636 i 1637 godakh, sostavlennoe sekretarem posol’stva Adamom Oleariem (per. P.P. Barsova) [A detailed description of Holstein embassy travel to Moscovia and Persia in 1633, 1636 and 1637, drawn by embassy secretary of Adam Olearius, transl. by Barsov, P.P.] (1870). Moscow.

Rabb, I.A. (2015) *Doubt in Islamic Law. A History of Legal Maxims, Interpretation, and Islamic Criminal Law*. Cambridge University Press.

Ramazanova, Z.B. (2011) *Traditsionnaia pishcha narodov Nagornogo Dagestana v XIX — nachale XX vv*. [The traditional food of the people of Mountain Dagestan in the XIX — beginning of the XX century]. Makhachkala: IIAE DNTs RAN.

Shikhsaidov, A.R. (2008) “Said Arakanskii” [“Said from Arakan”], *Dagestanskie sviatyni. Kniga vtoraia*. pp. 140–152. Makhachkala: ID Epokha.

Shikhsaidov, A.R. and Omarov, Kh.A. (2005) *Katalog arabskikh rukopisei (Kollektsiia M.-S. Saidova)* [The Catalogue of Arabic manuscripts (M.-S. Saidov Collection)]. Makhachkala: Izdatel’stvo tipografii DNTs RAN.

Snosheniia Rossii s Kavkazom. Materialy, izvlechennye iz Moskovskogo glavnogo arkhiva inostrannykh del Sergeem Al. Belokurovym. Vypusk 1-i. 1578–1613 [Russia’s relations with the Caucasus. Materials found in the Moscow central archive of Foreign Affairs by Sergey Al. Byelokurov. 1-st Edition. 1578–1613]. (1889) S.-Peterburg: Universitetskaia tipografiia.

Van Gelder, Geert Jan. (1995) “A muslim Encomium on Wine: “The Racecourse of the Bay (Ḥalbat al-Kumayt)” by al-Nawāğī (d. 859/1455) as a Post-Classical Arabic Work”, *Arabica,* 42, fasc. 2 (Jun., 1995): 222–234.

Waines, D. (2011) *Food Culture and Health in Pre-Modern Muslim Societies*. Leiden, Boston: Brill.

Wensinck, A. J. (1997) “Khamr”, in *The Encyclopaedia of Islam, New Edition, Volume IV,* pp. 994–998. Leiden: E.J. Brill.

Zapiski A.P. Ermolova. 1798–1826 gg. [Notes of A.P. Yermolov. 1798–1826]. (1991) Moscow: Vysshaia shkola.